

аристотелевского учения о душе состоял в том, что, преодолевая ограниченность предшествующих материалистических объяснений, оно показало специфический характер организации жизненного процесса как процесса материального»⁹.

Применение теории гилеморфизма к исследованию психо-физиологической деятельности и мыслительной как ее части было огромным успехом по сравнению с предшествующей философской традицией, но оно не было свободно от противоречий¹⁰ и создавало возможность возврата к платоновскому пониманию соотношения материи и формы. Утверждая неотделимость души и ее частей от тела¹¹, античный философ вместе с тем полагает, что по отношению к некоторым частям души — и речь идет явно о мыслительной функции — нет препятствия для отделения, потому что они не представляются энтелехией (т. е. осуществлением) никакого тела¹². Значит, констатация самостоятельности, независимости мыслительных операций, специфический характер деятельности мыслительной способности приводит Аристотеля к утверждению субстанциальной исключительности интеллекта. «Ум же, несомненно, есть нечто божественное и непричастное страданию», — говорит он в первой книге своего труда¹³. Из этого следует вычленение мышления из жизненного единства организма. «Что касается разума и теоретической способности, то [пока в этом вопросе] еще нет ясности, — говорит Аристотель дальше, — но кажется, что [тут] другой род души и что только эти способности могут отделяться как вечное от тленного»¹⁴.

Правда, Аристотель склонен отделять мыслительные способности от других частей души только логически («что по понятию они различны — очевидно») и сомневается в возможности их реального разделения¹⁵. Трудности целостного понимания развития мысли античного философа, который пытался решить противоречия процесса познания во многом глубоко и верно, приводили комментаторов или к необходимости раздвоения самого разума на две субстанциально отличные части, каковым приписываются разные свойства (и это делает Александр Афродизийский, Аверроэс), или к раздвоению объекта познания на материю и ее форму, имманентную материи, но отличную от нее и представляющуюся вечным надприродным объектом разумного познания (так поступает Фома Аквинский).

Аверроэс в поисках решения этой сложной проблемы приходит к своеобразным результатам: общее человеческому роду качество — способность мышления — абсолютизируется и становится реально существ-

⁹ М. Г. Ярошевский. Учение Аристотеля о душе и античный детерминизм.—ВФ, № 5, 1966, стр. 111.

¹⁰ Аристотель, понимая ограниченность и узость категорий гилеморфизма в их применении к умственной деятельности, уточняет их, определяя разум как «форму форм»: «...ведь как рука есть орудие орудий, а ум — форма форм». — Аристотель. О душе, кн. 3, гл. 8, 432 а

¹¹ Там же, кн. 2, гл. 1, 413а.

¹² Там же, кн. 2, гл. 1, 413а, 5 и далее.

¹³ Там же, кн. 1, гл. 4, 408в, 30.

¹⁴ Там же, кн. 2, гл. 2, 413в, 25 и далее.

¹⁵ Там же.